№ 365
801-17
395

Библіотека для всѣхъ

№ 4.

О. Кириллъ

С. Елпатьевскаго.

Цѣна 5 коп.

О. КИРИЛЛЪ.

Разсказы о прошломъ.

О. Кириллъ былъ высокій, широкоплечій, ходилъ сгорбившись, словно ему тяжело было носить свое большое тѣло, и голову внизъ держалъ, отъ чего длинные черные волосы тяжелыми прядями падали по щекамъ, и въ рамкѣ темныхъ волосъ большое лицо казалось худымъ и блѣднымъ. И, когда поднималъ голову, мнѣ все казалось, что за мной кто-то стоитъ и что онъ смотритъ на того, кто стоитъ за мной. Глаза у него были особенные, большіе, темные—и печальные, и блаженные, и словно только что слезами омытые. И все улыбался онъ — неувѣренной, дрожащей улыбкой, какъ улыбаются люди очнувшіеся послѣ тяжелой болѣзни, которые не рѣшили еще, смерть идетъ къ нимъ или жизнь, и не знаютъ, смѣяться имъ или плакать. И когда одинъ былъ, разговаривалъ самъ съ собою.

Являлся онъ всегда неожиданно и приходилъ только лѣтомъ, случалось черезъ два-три года, и всякій разъ бабушка горевала и ахала. Приходилъ онъ въ опоркахъ, а то и совсѣмъ босой; по лѣсу, по колючкамъ шелъ; полукафтанье истрепанное, заплатанное,—видно было, съ чужого плеча, и рубаха и портки крашенинные, какъ мужики носили, и тоже, очевидно, чужіе, такъ какъ бабушка, всегда обряжавшая его, шила изъ холста и холстъ выбирала потоньше. Принимали о. Кирилла съ почетомъ, всѣ подходили подъ благословеніе и бабушка звала его: «о. Кириллъ». Самоваръ ставили, медъ приносили, вынимали изъ завѣтнаго сундучка старые, засохшіе пряники и баранки, ставили на столъ всякое угощеніе. А когда покушаетъ о. Кириллъ и отдохнетъ съ дороги, поведетъ его бабушка въ свою темную, тѣсную кладовку и начнетъ его отчитывать; а мы спрячемся гдѣ-нибудь поблизости и слушаемъ,—очень любопытно было намъ, маленькимъ, слушать, какъ большого человѣка, какъ насъ, маленькихъ, отчитываютъ. Строго выговариваетъ бабушка о. Кириллу, что

РУМЯНЦ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

не бережетъ онъ одежу, что позволяетъ ворамъ-послушникамъ обирать себя; высчитываетъ, что за сапоги дано было, что полукафтанье ваточное стоило; про достатки наши худые скажетъ. А о. Кириллъ молча слушаетъ и только изрѣдка слово обронитъ, и, должно быть, тѣсно ему въ маленькой кладовкѣ, и чувствуетъ вину свою,—еще ниже опуститъ большую, темную голову.

А къ ночи, когда заснутъ въ домѣ, станетъ ему бабушка на шесткѣ голову мыть щелокомъ съ мыломъ, — париться лѣтомъ въ печкѣ не было обычая, пожаровъ боялись,— и когда вымоетъ голову, сама чесать примется и, чтобы ловчѣе было, положитъ голову о. Кирилла къ себѣ на колѣни. И долго чешетъ бабушка большую голову своего любимаго болѣзнаго сына, и говоритъ ему болѣзныя, тихія слова, которыя только она да о. Кириллъ слышитъ. На другой день станутъ обряжать о. Кирилла, позовутъ изъ Богоявленскаго портного и посадятъ полукафтанье шить, нарѣжутъ холста и заставятъ сестеръ бѣлье шить, а пока отцовское надѣнутъ: и полукафтанье, и бѣлье, и сапоги.

Должно быть, любо было о. Кириллу вымытому, причесанному, въ чистомъ бѣльѣ, — идетъ онъ по саду къ дѣдушкѣ въ пчельникъ и весело улыбается. А дѣдушка ждетъ, и тоже, должно быть, любо ему видѣть сына прибраннымъ, веселымъ,—смѣется, хитро подмигиваетъ и говоритъ:

— Что, баушка-то точила?

Потомъ вспомнитъ, что онъ глава дома и что было ему ночью бабушкой наказано, и станетъ серьезно говорить:

— Ты что это, о. Кириллъ... того-этого, какъ бишь его называется... куды сапоги дѣлъ? На Николу послали,—три съ полтиной дадено... Опять же полукафтанье, все прочее, того-этого... Шантрапу-то твою монастырскую не одѣнешь...

Хочется дѣдушкѣ еще сказать много строгихъ, наставительныхъ словъ, но не выходятъ у дѣдушки строгія слова, и на полусловѣ обрываетъ онъ свою рѣчь и говоритъ своимъ обычнымъ тономъ:

— Ну-ка, парень, давай колоду кончать!

Снимете о. Кириллъ подрясникъ, надѣнетъ ремешокъ на волосы и начнетъ съ дѣдушкой улей облаживать. А потомъ вмѣстѣ по саду пойдутъ,—дѣловъ у дѣдушки окажется множество,—яблони подрѣзать будутъ, колья подставлять подъ вѣтки, малину окапывать. А разговариваютъ мало, и въ пчельникѣ сидятъ—что-нибудь работаютъ и больше молчатъ. Такъ и идетъ время. Видѣлъ я разъ. Уходить собрался о. Кириллъ, а я отпросился проводить его до лѣсу. Зашелъ онъ къ дѣдушкѣ проститься и засидѣлся. Помню, сидятъ оба и молчатъ. Упершя дѣдушка руками въ колѣни, смотритъ на о. Кирилла, глазъ не спускаетъ, и сѣденькая голова въ скуфейкѣ покачивается; а потомъ и говоритъ:

— Живешь, о. Кириллъ?

Поднялъ голову о. Кириллъ, взглянулъ на дѣдушку темными, большими глазами и отвѣтилъ:

— Живу... И опять наклонилъ голову.

И я видѣлъ, какъ дѣдушка поднялся и пошелъ будто мимо о. Кирилла, а потомъ обернулся, обхватилъ трясущимися руками шею его и припалъ къ темной, волосатой головѣ его и всхлипнулъ. Вышелъ дѣдушка изъ пчельника, пошелъ по саду и сѣденькая голова все тряслась; а за нимъ тихо брелъ большой, сгорбленный о. Кириллъ...

Больше съ нами, дѣтьми, проводилъ время о. Кириллъ. Лѣтнее время рабочее: то сѣнокосъ, то жнитво, пахота да бороньба, цѣлый день люди въ полѣ, въ огородѣ, и домъ пустой стоитъ, мухи однѣ летаютъ, только кто-нибудь къ печкѣ приставленъ за хлѣбами смотрѣть, а больше для пожарнаго случая. Мы, маленькіе, съ дѣдушкой домовничаемъ и о. Кириллъ съ нами. Станетъ припекать солнышко, въ холодокъ, въ пчельникъ заберемся, и тамъ разговоръ по душамъ пойдетъ. Прежде всего всѣ новости деревенскія на перебой разскажемъ о. Кириллу и всѣ необыкновенныя происшествія, случившіяся въ округѣ, а потомъ его спрашивать примемся. У насъ всегда копился большой запасъ вопросовъ,

за которые большіе называли насъ дураками и говорили: «Отвяжись!» Много ихъ рѣшалъ дѣдушка, но были такіе, на которые только о. Кириллъ давалъ намъ отвѣты: куда солнце на ночь уходитъ, куда на зиму птицы улетаютъ и почему онѣ въ разное время разными голосами кричатъ? правда ли, что душа у мертваго девять денъ изъ дому не уходитъ, все въ окна и двери бьется? и самый важный вопросъ: какъ мы будемъ на томъ свѣтѣ жить?

Въ горницѣ со взрослыми онъ больше молчалъ, а съ нами никогда не уставалъ разговаривать. И, когда разговорится, примется разсказывать про дѣла лѣсныя, которыя, должно быть, хорошо зналъ: какой звѣрь какъ себѣ логово устраиваетъ, какъ медвѣдь берлогу себѣ на зиму налаживаетъ, какъ векша орѣшки въ дупло на зиму собираетъ, какой обиходъ у какого звѣря, какъ заяцъ живетъ, барсукъ, лисица, волкъ?

Сидимъ мы въ кружкѣ и, когда о. Кириллъ разсказываетъ, кто-нибудь изъ насъ, дѣтей, подвернется къ нему подъ локоть, и начнетъ о. Кириллъ гладить дѣтскую голову. Рука у него была большая и нѣжная; потихоньку и осторожно гладитъ онъ дѣтскіе волосы и, должно быть, потому, что намъ непривычна была ласка взрослыхъ, — было такъ сладко нашимъ головамъ подъ его рукой и такъ любили мы прижиматься къ о. Кириллу. Должно быть, и онъ любилъ насъ, дѣтей, и ему сладко было гладить дѣтскія головы: никогда не устаетъ онъ и съ мѣста не сдвинется, пока сидитъ ребенокъ подъ рукой его.

О. Кириллъ всегда приносилъ намъ гостинцы: берестяные бураки, искусно украшенные разноцвѣтными кусочками коры; въ бураках была малина лѣсная, смородина черная, гонобобель, черника, брусника, все, что попадалось въ лѣсу; а изъ кармановъ вынималъ кислыя лѣсныя яблоки, орѣхи, разноцвѣтные, свѣтлые камешки, которые выбиралъ въ пескѣ дальней рѣчки.

Мы, дѣти, очень любили, когда приходилъ о. Кириллъ.

И не потому только, что прибывало нашей компаніи и не потому даже, что домъ приходилъ на праздничное положеніе, — чай пили два раза въ день, пекли хлѣбъ изъ пшеничной муки, обильнѣе и вкуснѣе кормили насъ,—особенный миръ и тишина водворялись въ домѣ. Не ссорились взрослые, не ругали и не драли за волосы насъ, маленькихъ, и когда всѣ собирались съ поля, огорода, къ вечернему чаю, такъ ласково и привѣтливо сидѣли большіе за столомъ и угощали и привѣчали о. Кирилла.

Уходилъ о. Кириллъ такъ же неожиданно, какъ и приходилъ. Случалось, просыпались — и нѣтъ о. Кирилла, не дождется полукафтанья и бѣлья, и приходится пересылать съ оказіей Настѣ, которая съ мужемъ въ лѣсу жила, недалеко отъ Демьяновой Пустыни: къ ней о. Кириллъ особенно часто заходилъ.

И когда уходилъ о. Кириллъ, то мирное и ласковое настроеніе оставалось въ домѣ, и въ семьѣ долго говорили про о. Кирилла, и все улыбались и были добрые, и ласковые.

— Веселонравный былъ о. Кириллъ молодой-то!—говорила бабушка и улыбалась такой рѣдкой у бабушки, ласковой улыбкой.

— Пригожій изъ себя. И первый щеголь!.. Пріѣдетъ, бывало, изъ семинаріи—чисто профессоръ! Съ тросточкой— и картуза не носилъ,—все въ шляпѣ!..

Въ особенности мать любила говорить про о. Кирилла.

— Думала, Стена, самый счастливый на свѣтѣ человѣкъ будетъ Кондратій Лукьянычъ! Ужъ истинно красавецъ изъ себя былъ, волосы длинные носилъ, кудрями вились... Стихи сочинялъ, — семинаристы въ тетрадки списывали, наизусть заучивали... На флейтѣ какъ игралъ, — заслушаешься!.. На гусляхъ тоже... И веселый, развеселый!..

Лицо матери дѣлалось свѣтлое и нѣжное. Она знала о. Кирилла дѣвочкой-подросткомъ, когда онъ былъ еще Кондратіемъ Лукьянычемъ и жилъ на квартирѣ у ея брата. Онъ такъ и остался въ ея памяти красавцемъ-семинаристомъ, мо-

лодымъ и веселымъ, съ кудрями, флейтой, гуслями, со стихами собственнаго сочиненія.

— А ужъ какъ онъ, Степа, книги любилъ!.. Все бывало покупаетъ, покупаетъ... Что отъ барина за уроки получитъ, все туда же; по ночамъ сочиненія писалъ за двугривенный богатенькимъ протопопскимъ сынкамъ-лѣнтяямъ—все изъ-за книгъ... И сколько, Степа, книгъ у него было, какъ семинарію кончалъ, кажется, и не видала никогда... Теперь вотъ у Глафиры Лукьяновны зря, безъ призору валяются...

И всегда мать оканчивала свои разсказы неизмѣннымъ, грустнымъ замѣчаніемъ:

— Такъ и думала, Степа,—счастливчикъ родился!..

Въ миру Кандратій, о. Кириллъ былъ старшимъ и самымъ любимымъ сыномъ у бабушки; думала она, сдастъ ему дѣдушка мѣсто и сядитъ онъ на Крутогорскій приходъ, старое дѣдовское гнѣздо поддерживать; и былъ онъ, какъ въ сказкахъ разсказывается: все получилъ, чтобы счастливымъ быть, и жизнь легко развертывалась предъ нимъ, и была ему во всемъ удача, когда начиналъ жить. Кончилъ онъ по первому разряду и сразу поступилъ въ богатый приходъ. И насчетъ невѣсты никто не неволилъ,—самъ выбралъ, изъ Богоявленскаго взялъ, съ дѣтства знали другъ друга, и была Катерина Петровна добрая, красивая и любящая. И увезъ въ село, въ новый домъ, на счастливую жизнь молодую жену Катерину Петровну и свои книги, флейту и гусли...

А потомъ словно буря пронеслась надъ Кондратіемъ Лукьянычемъ и унесла его счастье, изломала и исковеркала жизнь его. Умерла первыми родами Катерина Петровна, умеръ черезъ полгода и ребеночекъ... Мать моя была еще дѣвушкой, жила въ городѣ и не видѣла все это время Кондратія Лукьяныча; но много разсказывалъ мнѣ отецъ и, хотя изрѣдка и неохотно, говорила и бабушка. Тоска напала на Кондратія Лукьяныча, и почти два года не въ себѣ былъ,—и службу не служилъ, людей плохо узнавалъ. Все уйти порывался, такъ просто, безъ цѣли, безъ опредѣленнаго намѣренія, уйти, куда глаза глядятъ, только затѣмъ, чтобы уйти.

И сторожей къ нему приставляли, но ничего сдѣлать не могли,—обманетъ какъ-нибудь сторожей и уйдетъ. Резъ онъ очутился за двѣсти верстъ, въ другой губерніи, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ не было у него ни родныхъ, ни знакомыхъ, и его совсѣмъ было отправили по этапу, какъ безпаспортнаго, да къ счастію, случайно узналъ о немъ, оказавшійся товарищемъ по семинаріи, учитель мѣстнаго духовнаго училища, Другой разъ три мѣсяца не было о немъ слуховъ, и отыскался онъ въ дальнемъ монастырѣ у другого брата, который былъ тамъ игуменомъ. И, вѣроятно, не любовь къ брату потянула его, — никогда не дружили они и потомъ рѣдко видѣлись: о. Ниронтъ былъ аскетъ, суровый и честолюбивый и, повидимому, изъ честолюбія и принялъ монашескій санъ тотчасъ же послѣ окончанія семинарскаго курса. И пить принимался Кондратій Лукьянычъ, да, должно быть, не тянуло его къ водкѣ,—недолго пилъ.

Должно быть, бабушка поняла, что ему нужно было уйти. Ранней весной, какъ только сошелъ снѣгъ, срядилась она, посошокъ вырѣзала, котомку на плечи надѣла и пошла въ далекую Кіево-Печерскую Лавру со своимъ больнымъ сыномъ, которому надо было уйти изъ своего мѣста, отъ самого себя. Много они земли русской прошли, много обителей и угодниковъ Божьихъ посѣтили, къ старцамъ-молитвенникамъ въ лѣса дремучіе заходили, — живы еще тогда были старцы. Въ Печерской Лаврѣ съ мѣсяцъ прогостили,—постились тамъ оба великимъ постомъ, — а къ снѣгу домой вернулись, въ Крутыя Горы, и Кондратій Лукьянычъ въ себя пришелъ. Вскорѣ же онъ принялъ монашескій санъ, и какъ бабушка ни уговаривала къ Троицѣ-Сергію поступить,—мечтала, архимандритомъ будетъ, а Богъ благословитъ, и дальше пойти могъ, — Демьянову Пустынь выбралъ самую глухую, самую бѣдную въ нашемъ уѣздѣ, заброшенную въ лѣсахъ и болотахъ пустынь, давно сдѣлавшуюся мѣстомъ ссылки для провинившихся монаховъ и послушниковъ. И

безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ прожилъ въ той пустыни, до смерти. Пересталъ жить Кондратій Лукьянычъ и сталъ жить о. Кириллъ, и вмѣстѣ съ именемъ оставилъ онъ все за собой: свой домъ, садъ, который онъ самъ насадилъ, по своему вкусу, съ акаціей, съ сиренью, съ жасминами и левкоями, свои гусли и два зеленыхъ холмика на болдинскомъ кладбищѣ.

И книги свои... Лежали онѣ безпризорныя у тетки Глафиры, которой достался приходъ, въ мезонинѣ, куда на зиму сваливали мерзлыя туши свинины и разной убоины; валялись въ углу, запыленныя, въ грязныхъ пятнахъ, съ оторванными переплетами, съ листами, израсходованными для хозяйственныхъ надобностей... Тамъ были,—полное собраніе сочиненій Марлинскаго, баронъ Брамбеусъ, Лажечниковъ, Полевой, Загоскинъ, много стихотворцевъ: Державинъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій и Козловъ; была даже полная «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, томами которой тетка Глафира покрывала кринки съ молокомъ. Тамъ были журналы и повѣсти... Тамъ, въ этихъ старыхъ, запыленныхъ книгахъ Эммы лежали на канапэ, а Валерьяны на нѣсколькихъ страницахъ изъяснялись Эммамъ въ любви возвышеннымъ языкомъ; тамъ были «Амалатъ-Бекъ» и «Черное Покрывало», таинственныя и страшныя привидѣнія, таинственные и необыкновенные герои и злодѣи. И, должно быть, потому, что никто не зналъ въ нашей округѣ, что такое канапэ, и не было у насъ ни одной Эммы, ни одного Валерьяна и никто не изъяснялся тѣмъ превосходнымъ, возвышеннымъ слогомъ, не было ни тѣхъ привидѣній, ни тѣхъ героевъ и злодѣевъ,—я съ такой жадностью поглощалъ тѣ старыя книги, тѣ разрозненныя книжки журналовъ съ оторванными листами. Въ томъ запыленномъ ворохѣ книгъ было нѣсколько тетрадокъ со стихами, написанными старинымъ, убористымъ почеркомъ. Онѣ не сохранились у меня, но я помню жалостные, меланхолическіе стихи объ уединеніи и о дѣвѣ, о пустынѣ и родникѣ. А съ портрета, должно быть, писаннаго провинціальнымъ самоучкой-художникомъ,

сквозь покрывавшій его слой пыли смотрѣло молодое, красивое лицо и, должно быть, тотъ, съ котораго писали портретъ, хотѣлъ быть написаннымъ глубокомысленнымъ и грустно задумчивымъ, во всемъ величіи чернаго семинарскаго сюртука и широкаго, темнаго галстуха; но тоже, очевидно, не могъ сдержать веселія и радости жизни, и улыбка раздвинула губы и освѣтила теплomъ и радостью неуклюже написаный старый портретъ. Тамъ были гусли о. Кирилла безъ ножекъ, стоявшія прислоненными къ стѣнѣ, съ покоробившейся крышкой, съ отсырѣвшими струнами. И когда мое сердце и душа переполнялись тѣми героями и злодѣями, тѣмъ благороднымъ и возвышеннымъ, таинственнымъ и страшнымъ, что было въ тѣхъ старыхъ книгахъ, — я открывалъ крышку гуслей и проводилъ по струнамъ толстымъ и тонкимъ, и тогда угрюмый мезонинъ просыпался и комнату наполняли больные, тревожные, жалобные звуки.

Я не любилъ тетки Глафиры, безалаберной, вздорной и неимовѣрно грязной, цѣлые дни грызшейся съ мужемъ своимъ, приниженнымъ и робкимъ, когда былъ трезвъ, и гонявшимся съ ножомъ за женой, когда начинался его обычный запой; но лѣтомъ, во время вакацій я гащивалъ у тетки по недѣлѣ, по двѣ, пока не перечиталъ всю библіотеку о. Кирилла. И, кажется, я одинъ читалъ ее, — тогда еще наша округа удовлетворялась Суворовымъ, житіями святыхъ и «Черной Женщиной», которая почему-то имѣла успѣхъ. Мать права была: по крайней мѣрѣ въ нашей округѣ, считая и городскихъ священниковъ, ни у кого не было и десятой доли библіотеки о. Кирилла. И только потомъ, долго спустя, уже взрослымъ человѣкомъ, вспоминая эту огромную по тогдашнимъ временамъ библіотеку, вспоминая, что собиралась она въ тридцатыхъ годахъ въ глухомъ губернскомъ городѣ бѣднымъ семинаристомъ, зарабатывавшимъ уроками скудныя деньги, сидѣвшимъ ночи за перепиской бумагъ и писаніемъ сочиненій другимъ семинаристамъ,—я понялъ, какая страстная любовь къ книгамъ была у Кондратія Лукьяныча и какія

жертвы приносилъ онъ своей страсти. И никто не читалъ книгъ его, не игралъ на гусляхъ его, и одинокая, больная, потревоженная душа доживала свой одинокій вѣкъ въ темныхъ лѣсахъ Демьяновой Пустыни.

Должно быть, медленно заживаютъ тяжелыя раны сердечныя, трудно и медленно забывается прошлое, и, вѣроятно, долго не умирали въ душѣ о. Кирилла старыя мысли, прежнія воспоминанія...

Я помню вечеръ, нашъ крутогорскій второй Спасъ, храмовой праздникъ. Я уже учился въ духовномъ училищѣ; была половина шестидесятыхъ годовъ; праздники были уже не тѣ старые, съ генераломъ Суворовымъ, съ разсказами о. Платона о семибашенномъ замкѣ. Только что завершилась «воля», шли слухи о другихъ воляхъ; въ глухую, тихую крутогорскую жизнь ворвалось то новое и огромное, молодое и озорное, что давали шестидесятые годы. Въ семинаріяхъ не знали еще Некрасова, но Пушкинъ и Лермонтовъ уже были извѣстны, и новая поэзія шла на смѣну старой. И неожиданно вышелъ литературный вечеръ въ Крутыхъ Горахъ. Взволновались старые священники и стали защищать то старое, предъ чѣмъ благоговѣли; они соглашались, что у новыхъ стихотворцевъ хорошій слогъ, но говорили, что у нихъ нѣтъ того важнаго и торжественнаго содержанія, которое было у ихъ любимыхъ старыхъ стихотворцевъ. И старые батюшки старымъ, возвышеннымъ и торжественнымъ тономъ декламировали возвышенные и торжественные стихи Державина.

Былъ о. Кириллъ, избѣгавшій людныхъ праздниковъ и рѣдко посѣщавшій нашъ второй Спасъ. Онъ сидѣлъ на опустѣвшемъ мѣстѣ дѣдушки, какъ всегда, молчаливый, со своимъ далекимъ взглядомъ и далекими мыслями. Я замѣтилъ, какъ онъ сталъ прислушиваться серьезно и внимательно, какъ мой старшій братъ читалъ «Три пальмы», и неожиданно для всѣхъ заговорилъ:

— Хорошіе поэты пошли... А помните ли старое — «Вечерній звонъ»?

И онъ началъ читать, останавливаясь на удареніяхъ въ срединѣ стиха, медленно, словно трудно вспоминая:

— Вече-рній звонъ, вече-рній звонъ!
Какъ мно-го думъ наво-дитъ онъ...
. . . . . .
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слы-шалъ звонъ—въ послѣдній разъ!..

И, должно быть, потому, какъ онъ читалъ медленно, тихимъ голосомъ, останавливаясь на удареніяхъ,—охваченное грустью удивительное стихотвореніе казалось еще грустнѣе и, словно печальный звонъ, носилось въ комнатѣ.

— И сколько нѣтъ теперь живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
. . . . . .
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ разду-мьи пѣть вечерній звонъ!

Долго молчали всѣ и, казалось, все слушали носившійся въ комнатѣ вечерній звонъ. Тогда заговорилъ отецъ, растроганный и умиленный:

— Братецъ! помните, въ семинаріи любили вы читать «Чернеца»?

Къ отцу присоединились со своими просьбами всѣ гости и старые и молодые, такъ какъ всѣ знали и всѣ любили «Чернеца». Было очевидно, о. Кириллъ вспомнилъ свое старое, давнее: онъ поднялъ голову, лицо его было ясное и спокойное, и проникновеннымъ, возвышеннымъ голосомъ началъ онъ читать великолѣпные Козловскіе стихи. И только разъ дрогнулъ его голосъ:

Чернецъ, Чернецъ, ужели ты
Все помнишь прежнія мечты?..

Потомъ отецъ запѣлъ «Вечерній звонъ»; подхватили всѣ, старые и молодые, и, должно быть, особенное настрое-

ніе охватило присутствующихъ,—такъ тихо, проникновенно и растроганно звучали старые и молодые голоса.

Пѣлъ и о. Кириллъ, и единственный разъ я видѣлъ его веселымъ и оживленнымъ,—въ этотъ вечеръ онъ былъ со всѣми и думалъ о томъ, о чемъ думали другіе, и говорили о томъ, о чемъ говорили всѣ.

Отецъ, разсказывая мнѣ о томъ періодѣ, когда о. Кириллъ былъ не въ себѣ, обыкновенно заканчивалъ фразу словами: —У него осталось!..

У него осталось—горе не выплаканное, раны сердца не зажившія, воспоминанія не забытыя. Остались — голова понурая, улыбка дрожащая, жалостная, мечта въ глазахъ и мысль одинокая и привычка быть одному и говорить самому ссбѣ свои одинокія мысли. Идемъ мы съ нимъ по лѣсу, забудетъ онъ про меня и говоритъ самъ съ собой и споритъ и доказываетъ; или сидитъ между гостями на праздникѣ и смотритъ своимъ удивительнымъ, далекимъ взглядомъ, и вдругъ вырвется у него слово странное, неожиданное, изъ его мысли, далекое отъ мыслей, этихъ, сидящихъ кругомъ людей.

Осталась еще привычка уходить въ лѣса. Зимой онъ еще служитъ, справляетъ свое монастырское дѣло; а придетъ весна, отпросится онъ у о. игумена родныхъ провѣдать или угодника навѣстить въ дальнемъ монастырѣ—и пропадетъ на мѣсяцъ, на два. И гдѣ скитается — никто не знаетъ. Сестра Настя, что за сыномъ Ивана Захарыча рощенника была,—самая богомольная изъ насъ и къ о. Кириллу приверженная, и о. Кириллъ больше всѣхъ ее любилъ и чаще всего навѣщалъ ее,—она много разсказывала мнѣ и хорошо знала жизнь о. Кирилла. Ходитъ онъ по лѣсу, хлѣбъ за пазухой, ягодами питается, орѣхами; застигнетъ ночь —и уснетъ во мшистомъ еловомъ лѣсу. А то выйдетъ въ первую деревню, какая ближе, и зайдетъ въ первый домъ, какой поглянется, и живетъ тамъ, пока поглянется. Много разъ Настя сама видѣла, совсѣмъ невзначай, въ избахъ

крестьянскихъ встрѣчала. Сидитъ о. Кириллъ и зыбку качаетъ; разревется ребенокъ, на колѣни къ себѣ возьметъ и пѣстаетъ, и словами, прибаутками всякими приговариваетъ, что нужно ребенку—обрядить и покормить, самъ соску сдѣлаетъ, опять въ зыбку положитъ и баюкать станетъ. Такъ и живетъ два-три дня. Принять подъ свою крышу о. Кирилла всякій за честь почиталъ, даже и тѣ, которые по старой вѣрѣ жили, рады были,—Божій человѣкъ, молитвенникъ... И бабѣ сподручно,—въ сѣнокосъ либо въ жнитво, нужно обѣдъ въ поле мужикамъ отнести, на о. Кирилла ребятъ оставитъ,—знаетъ, не броситъ. Зато, удосужится бабѣ, щелоку поставитъ въ печку, чтобы вымыть его бѣлье, починитъ, обрядитъ. А тамъ снимется о. Кириллъ и дальше пойдетъ по лѣсамъ, по деревнямъ, куда глаза гладятъ.

Но дѣла своего монастырскаго не забывалъ и къ Успеньеву дню всегда дома. Храмовой праздникъ былъ въ монастырѣ и своя икона чудотворная Божьей Матери, и богомольнаго народу стекалось великое множество изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. И о. игуменъ зналъ слабость о. Кирилла, что не воленъ онъ лѣтомъ надъ собой, — только и проситъ къ Успенью дома быть. Зналъ о. игуменъ, что безъ о. Кирилла и праздникъ не въ праздникъ, и усердіе у молящихся не такое, и приношеній меньше,—и о. Кириллъ, если только не хворалъ, всегда былъ къ Успенью на мѣстѣ и службы исправлялъ зккуратно. А отойдутъ празднества въ монастырѣ, понесутъ Пречистую по деревнямъ, и мѣсяцъ и два носятъ—и о. Кириллъ уже всегда впереди идетъ по лѣсамъ дремучимъ, по деревнямъ убогимъ съ Заступницей. Ко всѣмъ заходитъ, къ богатымъ и бѣднымъ, въ города и деревни, потомъ опять въ лѣса и, гдѣ любится, гдѣ лѣсъ краше, остановится, молебенъ служитъ и поетъ пѣснь Владычицѣ. И народъ весь поетъ. Какъ и дѣдушка, о Кириллъ народъ пользовалъ и такъ же на всю округу былъ извѣстенъ. Бѣсовъ онъ не могъ изгонять, — не дано было ему, зато отъ такихъ болѣзней пользовать могъ, съ какими къ дѣдушкѣ

не обращались. Лѣчилъ онъ отъ «мнѣнія». Бывала въ тѣ времена такая болѣзнь, съ разными людьми мужского и женскаго пола приключалась, а больше всего съ купцами. Живетъ купецъ, суматошится по своимъ дѣламъ; «на всѣхъ бердахъ ткетъ», говорили у насъ про такихъ; озорничаетъ надъ народомъ православнымъ, какъ ему любо,— и вдругъ нападетъ на него мнѣніе. Задумываться станетъ, скучно вдругъ ему сдѣлается,—и дѣла ему скучны, и озорство ему скучно, и отъ семьи отшибется. А отъ мнѣнія тоска въ сердце вступитъ, и не милъ ему станетъ Божій свѣтъ, и не знаетъ онъ, куда ему отъ себя уйти. Пить примется мертвую — не помогаетъ, чудотворить станетъ. Одинъ нашъ купецъ поѣхалъ въ Нижній на Ярмарку да тамъ въ хоръ цыганскій угодилъ, полгода по Россіи какъ цыганъ съ таборомъ бродилъ, по этапу ужъ въ нашъ городъ прислали. Тогда къ о. Кириллу везутъ. И живетъ у него купецъ и недѣлю и двѣ, въ кельѣ у него и спитъ, вмѣстѣ въ церковь ходятъ, и о чемъ разговариваютъ, никому неизвѣстно. А потомъ возвращается купецъ къ семьѣ своей, къ дѣламъ своимъ,— тотъ же купецъ, да не тотъ. Видятъ люди, что отмякъ купецъ, ходу нѣтъ прежняго, озорства стараго, и говорятъ:

— О. Кириллъ внушилъ.

И, по общему мнѣнію, еще одно дано было о. Кириллу, и говорили объ этомъ потихоньку вполголоса, и было въ этомъ страшное и таинственное,—могъ онъ отпускать грѣхи необычные, самые страшные. Случалось, по ночамъ увозили о. Кирилла изъ пустыни, и къ нему въ пустынь ѣздили тихонько, въ будни, хоронясь ото всѣхъ. И что тамъ было, опять никому неизвѣстно, и только смутные, темные деревенскіе разсказы кончались словами:

— О. Кириллу исповѣдался.

Когда первый богатѣй Богоявленскаго Лука Петровичъ, который держалъ мельницу отъ генерала Солтухина и имѣлъ большую лавку на селѣ, неожиданно для всѣхъ повинился,

что онъ, будучи баньщикомъ въ Москвѣ, задушилъ купца въ номерѣ,—отецъ сказалъ мнѣ:

— У братца былъ на той недѣлѣ, у о. Кирилла...

Воистину пустынь была. Инокъ благочестивый когда-то лѣса эти дремучіе возлюбилъ, келейку себѣ выстроилъ, а потомъ люди подходить стали, киновія сдѣлалась. Вскорости икона чудотворная Успенья Божьей Матери объявилась. Цари лѣса огромные отписали къ монастырю, а монастырь не пошелъ. Инокъ ли рано померъ, не наладилъ, мѣсто ли людямъ не полюбилось, темное, глухое, въ болотахъ и лѣсахъ,— а монастырь не пошелъ. И храмъ былъ начатъ большой и кельи большимъ корпусомъ выведены, и широкое мѣсто каменной оградой было окружено,—большой храмъ все строился, а продолжали служить все въ томъ же старенькомъ, низенькомъ соборѣ, и половина келій пустовала, и широкій монастырскій дворъ заросъ крапивой и бурьяномъ. Не было въ пустыни ни огородовъ, ни мастерства какого подходящаго, какъ въ другихъ монастыряхъ, и казалось все не конченымъ, заброшеннымъ, пустыннымъ, — только иконой чудотворной да лѣсами и кормились. Къ Успеньеву дню шумно и людно дѣлалось въ пустыни, а остальное время тихо и пусто было въ монастырѣ. Зимой и дорогу заметало снѣгомъ, волки стаями выли вокругъ монастырской ограды, и трудно было богомольцу добраться до воротъ. И монахи неохотно шли въ заброшенный монастырь, на отшибѣ, внѣ дорогъ, вдали отъ людского жилья, и давно Демянова Пустынь сдѣлалась ссыльнымъ мѣстомъ. Игумены назначались крутые, съ характеромъ, чтобы орду штрафованную въ рукахъ держать могли, и больше изъ купеческаго и мѣщанскаго званія попадались и по-купечески дѣла вели; — лѣсопилка была, дрова въ городъ поставляли.

Изрѣдка я бывалъ тамъ, но особенно помню одну поѣздку. Я окончилъ духовное училище и готовился посту-

пить въ семинарію. Три года не былъ въ Крутыхъ Горахъ о. Кириллъ, не пришелъ и на второй Спасъ, какъ наказывала черезъ Настю бабушка, и она обезпокоилась и послала отца провѣдать.

Былъ августовскій погожій день. Бѣлыя нити паутины тянулись въ воздухѣ; солнце было еще жаркое, лѣтнее, но небо было уже блѣдное и далекое. Огромныя, мохнатыя ели и голыя сосны съ далекими вершинами стояли темныя и тяжелыя, и птичка кричала усталымъ голосомъ въ глубинѣ лѣса. А изъ монастыря неся благовѣстъ. Отецъ остановилъ лошадь, снялъ шляну, перекрестился и лицо его засвѣтилось широкой улыбкой.

— Силантій Кузьмичъ старается... Какъ звонитъ!

А оттуда, изъ монастыря, по верхушкамъ сосенъ неслись ликующіе, полные радости и восторга звуки монастырскаго благовѣста. Перебивая другъ друга, какъ дѣтскіе голоса, перезванивали маленькіе колокола и торопились, и смѣялись, и ликовали, какъ дѣти; а большіе колокола весело и громко кричали по лѣсу: «бумъ»! «бумъ»! «бумъ»! И темный лѣсъ радовался, звенѣлъ и гремѣлъ. А потомъ большіе и малые мѣдные голоса слились и звенящей радостью, ликующимъ восторгомъ вознеслись въ небо,—и сразу стало безмолвно и печально въ лѣсу, и птичка еще разъ крикнула усталымъ голосомъ.

— Первый дружокъ у о. Кирилла выговорилъ отецъ, надѣвая шляну, и пока мы подъѣзжали къ монастырю, разсказалъ мнѣ исторію монастырскаго звонаря Силантія Кузьмича.

Изъ Богоявленскаго былъ, изъ дворовыхъ, Солтухинскихъ. Какъ-то на охтѣ баринъ молодой ошибкой подстрѣлилъ его, ногу повредилъ. Старый баринъ далъ зато волю ему, а вольный Силантій Кузьмичъ, какъ нога поджила—хроменькій остался,—въ Демьянову Пустынь ушелъ: какъ и о. Кириллу, поглянулся ему оброшенный монастырь въ темныхъ лѣсахъ. И пристрастился онъ въ пустыни къ звону церковному, колокола полюбилъ, и не стало у него большей

радости въ жизни, какъ звонъ настоящій подобрать. Ноты выучилъ, по камертону сталъ колокола настраивать и, который колоколъ не подходилъ, перемѣнялъ. Мѣсяцами къ игумену приставалъ, купцовъ богомольныхъ улещивалъ; ругаетъ его игуменъ, чтобы отсталъ, а добудетъ колоколъ, какой ему нуженъ. А когда пошелъ слухъ про пустынскій звонъ между богомольнымъ народомъ, игумены стали по его дѣлать и колоколовъ прибавили; и понемножку всю колокольню по свому вкусу, по камертону обладилъ Силантій Кузьмичъ. И прошелъ далеко слухъ про удивительнаго пустынскаго звонаря.

И гдѣ, въ какомъ монастырѣ хорошій звонъ слышалъ, ноты добывалъ, къ себѣ несъ и на каждую службу свой звонъ устроилъ. И когда солнце садилось и ночь шла на землю, звонилъ на голосъ: «Кто тя можетъ избѣжати, смертный часъ!..»

Должно быть, изъ всѣхъ монастырскихъ келій, келія о. Кирилла была самая неуютная и неприглядная. Голыя каменныя стѣны, давно небѣленныя, съ сырыми пятнами по угламъ, кое-какъ сколоченная, бѣлая, некрашенная кровать, колченогій столъ убогій, да стулъ такой же, да маленькая укладка въ углу — и все убранство. Только и было украшенія—иконъ много, и все старинныя, въ темныхъ серебряныхъ окладахъ. Спаситель въ серединѣ, Божія Матерь, Николай Чудотворецъ, а дальше все наши святые, изъ лѣсовъ нашихъ: Сергій Радонежскій и Никита, и Данило Столпникъ, былъ и Кириллъ Бѣлозерскій, и святители московскіе. Передъ кіотомъ лампада горѣла краснаго стекла, желтыя свѣчки восковыя обожженныя, и вездѣ за кіотомъ и между иконами пучки травъ заткнуты и цвѣтовъ разныхъ, и должно быть, отъ нихъ, отъ засохшихъ травъ и отцвѣтшихъ цвѣтовъ стоялъ въ кельи острый запахъ, душный и пряный.

О. Кикиллъ былъ дома, только что отъ службы вернулся и читалъ толстую книгу съ мѣдными застежками, босой, въ бѣлой холщевой рубашкѣ, подпоясанной поясочкомъ

монастырскимъ съ изреченіями. Встрѣтилъ насъ о. Кириллъ весело и радостно. Отецъ разспрашивалъ о. Кирилла о здоровьи, разсказывалъ деревенскія новости и выкладывалъ бабушкины гостинцы: бѣлый папушникъ, баранки, пироги какіе-то, чай съ сахаромъ, въ бумажкахъ завернутые, шарфъ гарусный,—чулки шерстяные, бѣлье, и вдругъ остановился.

— Гдѣ же у тебя, о. Кириллъ, войлокъ-то? И одѣяла нѣтъ, и подушка-то не твоя...

Кровать была голая, и только въ углу валялась плоская, засаленная подушка.

О. Кириллъ неловко натягивалъ на себя полукафтанникъ, должно быть, для насъ, для гостей, смотрѣлъ на свою голую кровать и говорилъ:

— Войлокъ-то? Былъ, былъ... Поліевктъ приходилъ, послушникъ, ревматизмъ, говоритъ, у него въ тѣлѣ... Такъ, говоритъ, кости гудутъ... такъ гудутъ... И взялъ. Одѣяло тоже... Тепло, говоритъ, подъ ваточнымъ-то.

Про подушку онъ ничего не сказалъ. И все улыбался конфузливой, виноватой улыбкой. Отецъ оставилъ гостинцы и сталъ производить ревизію хозяйству о. Кирилла.

Въ укладкѣ не оказалось ни носковъ шерстяныхъ, ни бѣлья, которое послала недавно черезъ Настю бабушка, и валялись однѣ старыя портянки. Не было ватнаго полукафтанья на стѣнѣ, а въ особенности огорчили отца сапоги, которые онъ вытащилъ изъ-подъ кровати, рваные, покоробившіеся.

— Гдѣ же сапоги-то, о. Кириллъ? И мѣсяцу нѣтъ, на Илью Пророка послали...

О. Кириллъ раздумчиво вертѣлъ сапоги въ рукахъ и говорилъ:

— А это о. Пафнутій, протодіаконъ... Пришелъ и говоритъ, жмутъ сапоги у него, мозоли у него... Помѣрялъ мои-то,—пришлись, говоритъ, ладно...

Мой отецъ почиталъ о. Кирилла,—и старшій братъ и іеромонахъ; но его хозяйское кругогорское сердце, привыкшее

къ скудной жизни тяжелаго труда, не можетъ сдержаться, и онъ говоритъ:

— Что же это, о. Кириллъ! развѣ такъ можно? Я о. игумену пожалуюсь, ей-Богу, пожалуюсь! Ограбили тебя... Чай, онъ, игуменъ, смотрѣть долженъ.

— Ты этого, Тимоѳей, не моги!..—Лицо у о. Кирилла стало огорченное и испуганное; онъ близко подошелъ къ моему отцу и настойчиво говорилъ:—Не булгачь, Тимоѳей, не тревожь о. игумена! Мнѣ и гостинцевъ вашихъ не надо, ничего не надо. ни войлока, ни сапоговъ... Христомъ-Богомъ прошу, Тимоѳей, оставь!

Тогда отецъ сконфузился и сталъ оправдываться:

— Ваша воля, о. Кириллъ... Какъ желаете... Только братъ вы мнѣ, жалко мнѣ васъ, по родственному.

Пришелъ послушникъ отъ игумена звать отца чай пить. Мы остались одни съ о. Кирилломъ.

Я разсказывалъ о. Кириллу о союзахъ винословныхъ, соединительныхъ, раздѣлительныхъ, о головоломныхъ періодахъ, о силлогизмахъ мудреныхъ, которые я только что одолѣлъ въ духовномъ училищѣ. Мнѣ очень хотѣлось похвастать предъ нимъ своими успѣхами и разспросить, какъ знающаго человѣка, о страшныхъ хріяхъ, которыми мнѣ угрожали изъ семинаріи. Онъ отвѣчалъ мнѣ и ласково смотрѣлъ на меня. но, должно быть, меня не было для него въ эту минуту, и далеки были отъ меня мысли его, и онъ говорилъ о томъ, чѣмъ полна была душа его и что я понялъ только потомъ, вспоминая этотъ разговоръ.

— «Братецъ, говоритъ, вы мой,—чай, жалко»... И не понимаютъ люди грѣха великаго, самаго страшнаго грѣха человѣческаго!.. «Мой, говорятъ, братъ, моя, говорятъ, жена, мой ребенокъ»! Жалѣютъ своего-то... «А то, говорятъ, не мой братъ, чужой, чужая жена, не мой ребенокъ,—съ чего жалѣть-то буду»?.. Своя-то жена помретъ,—человѣку ужъ и мѣста на свѣтѣ не стало; свой-то ребенокъ помретъ, — и

душа остановится, и свѣтъ на небѣ померкнетъ... О, Господи, Господи, видишь ты слабость человѣческую!

— Заночевалъ я намедни въ лѣсу, просыпаюсь на зорькѣ, — человѣкъ предо мной на колѣнкахъ стоитъ, вопитъ. Не засталъ меня въ монастырѣ, всю ночь по лѣсу бѣгалъ, меня искалъ.—«Отпусти, говоритъ, грѣхъ мой тяжкій: брата родного загубилъ, топоромъ зарубилъ». Купчая земля у нихъ была, дѣлились, изъ-за лужка вышло... И тоже про дѣтей. «У меня, говоритъ, пятеро, а онъ самъ-другъ съ женой. Я, говоритъ, лужокъ-то приспособилъ,—болото было; а онъ, говоритъ, на службѣ служилъ»... Сталъ я ему сказывать; не можетъ человѣкъ прійти въ понятіе, что себѣ подобнаго жизни лишилъ, что душу человѣческую изъ-за лужка загубилъ.

— «То, говоритъ, по закону бы пошло, тамъ обсудили бы»... Про того, про чужого-то законъ есть; а вотъ что своего, брата родного загубилъ, — ему и не переносно...

Предъ открытымъ окномъ кельи, сейчасъ же за монастырской оградой, густой стѣной стоялъ огромный лѣсъ и на фонѣ блѣднаго, свѣтлаго неба казался онъ чернымъ и темная тѣнь ложилась отъ него въ келью. О. Кириллъ сидѣлъ у окна, и мечта была въ большихъ, темныхъ глазахъ и та всегдашняя его улыбка—и радостная, и плачущая.

— Своя-то жена, свой-то ребенокъ помрутъ, — снова возвращается о. Кириллъ къ старому,—какъ плачутъ люди, какъ плачутъ, какъ убиваются!.. А чужой ребенокъ рядомъ помираетъ, — не жалко... Да что я тебѣ, Степа, скажу...

Онъ наклонился совсѣмъ близко ко мнѣ, и лицо его было испуганное и говорилъ полушопотомъ:

— Убьютъ чужого-то, горло перервутъ... На дорогѣ встрѣтятъ,—ногами затопчутъ, столкнутъ, куда попало,—въ оврагъ, въ рѣку... «Онъ, скажутъ, моему ребенку идти мѣшаетъ, мнѣ своего спасать надо». Матери особливо... Чисто звѣри,—волчицы, тигрицы. При ней только похвалятъ чужого ребенка—и то ножъ ей въ сердце. И всякую скверну, всякую обиду люди сдѣлаютъ,—«не для себя, скажутъ, для

дѣтей стараемся». И за грѣхъ не почитаютъ; будто и хорошо даже, — любятъ, дескать, дѣтей, жалѣютъ. И не вѣдаютъ люди, что въ этомъ самый страшный грѣхъ человѣчества, что оттуда все утѣсненіе на землѣ, вся обида промежду людей.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ печальнымъ взглядомъ поверхъ лѣса въ далекое, блѣдное небо:

— Тоже люди придумали... — снова говорилъ онъ. — «Мой, говоритъ, лугъ, моя земля, мой лѣсъ, моя, говоритъ, рожь»... Вотъ царь милостивый на волю народъ православный выпустилъ, а то раньше баринъ какъ говорилъ? Мой, говоритъ, человѣкъ,—продамъ, говоритъ, своего человѣка и куплю себѣ, что пріятное»... Былъ такой законъ! Сочиняли себѣ люди законы человѣческіе вопреки Божіимъ...

— «Мое», говоритъ... Резоны свои приводитъ. «Я, говоритъ, трудился, потомъ своимъ ниву облилъ. У меня, говоритъ, сила въ тѣлѣ большая, разумъ свой, талантъ на всѣ дѣла»... Ты вотъ потъ-то свой — каждую капельку сосчиталъ, а Божіе стараніе не считалъ? Ты землю сдѣлалъ, ты лѣсъ выростилъ? Ты солнышко горячее на небѣ повѣсилъ, мѣсяцъ ясный? Ты дождикъ благостный съ неба льешь? Ты зори ясныя установилъ, звѣзды по небу разсыпалъ указующія? И гдѣ ты нашелъ мышцу свою крѣпкую, разумъ великій? и нравъ ты, что съ талантомъ родился, виноватъ, что нѣтъ у тебя таланта? Талантъ твой на улицѣ валялся, что ли? Шелъ мимо и подобралъ?

Я никогда не видѣлъ такимъ о. Кирилла. Онъ поднялъ голову и смотрѣлъ на меня строгимъ взглядомъ, и большіе, темные глаза были прекрасны, и великая красота лежала на лицѣ его. А онъ все говорилъ то грустно и раздумчиво, то негодующе.

— Я, говоритъ, мое, говоритъ... Да самъ-то ты кто? Чей ты самъ-то? Откуда взялся ты? Такъ вотъ захотѣлъ жить — и пришелъ на землю? Послали тебя, человѣка, не спрашивали, сказали—живи и все тутъ... Можетъ, спросили бы тебя: «Кондратій, хочешь жить на землѣ»? Можетъ,

Кондратій-то сказалъ бы: «Освободи, Царь Небесный»!.. Можетъ, ты и родиться-то не хотѣлъ бы, на свѣтъ появляться?.. И воленъ ли ты въ часѣ рожденія твоего? Есть ли день жизни твоей, когда ты сказать можешь: завтра я жить буду? Вѣдомъ ли тебѣ часъ кончины твоей, и самъ просить будешь: «Усталъ я жить, Господи,—прибери меня»! Исполнится ли просьба твоя? Послали тебя жить—и живи! И твори волю Пославшаго тебя... Создалъ Господь человѣка — не какъ прочихъ, не какъ дерево, не какъ волка, — изъ всѣхъ отличилъ, радость Себѣ въ твореніи Своемъ человѣка-то сотворилъ: въ послѣдній день, вѣнецъ міру... По образу Своему, по подобію... Гдѣ у тебя, человѣкъ, образъ Божій, Его подобіе? Нѣтъ для Него, Создателя, слабаго и сильнаго, большого и малаго, своего и чужого, — на всѣхъ взираетъ Царь Небесный, милосердный, всѣмъ свѣтитъ солнышко: и дубу высокому, и цвѣточку махонькому, и червю ползучему, и орлу возносящемуся. И Сына послалъ на землю, чтобы примѣръ любви людямъ явилъ. Пришелъ Сынъ на землю и сказалъ: «Возлюби, человѣкъ, ближняго своего, какъ самого себя... Положи, человѣкъ, душу свою за други своя»... Вотъ тебѣ указъ Божій, законъ Его!.. И призоветъ тебя опять къ Себѣ Пославшій и спроситъ: «Былъ ли ты братъ всѣмъ людямъ: ты, сильный, подсобилъ ли ему, слабому? ты, богатый, одѣлилъ ли богатствомъ его, бѣднаго? Куда употребилъ талантъ свой»? Что отвѣтишь Ему?..

Лѣсъ за оградой сталъ гуще и темнѣе, небо померкло и бѣлыя облака тяжелой грядой протянулись надъ лѣсомъ, и тѣни сгустились въ кельи. О. Кириллъ молчалъ, и только губы беззвучно шевелились, и смутно вырисовывалась въокнѣ большая, бѣлая фигура съ темными волосами, понурая и печальная.

Было тихо. Чьи-то шаги гулко раздавались въ каменномъ коридорѣ, тоненькій и ласковый тенорокъ проговорилъ за дверью: «Во имя Отца и Сына»... Дверь отворилась и въ келью вошелъ прихрамывая маленькій монашекъ, лысенькій, съ бѣлокурыми волосами и рѣдкой бородой.

— Тимоѳея Лукьяновича сынокъ?—привѣтствовалъ онъ меня.—У о. игумена батюшку твоего видѣлъ,—чай кушаетъ.

Было что-то веселое и радостное въ маленькой, подвижной фигурѣ тщедушнаго монашка съ моргающими глазами, и въ угрюмой кельѣ стало свѣтлѣе, просторнѣе и радостнѣе, Оживился и о. Кириллъ и сталъ развертывать гостинцы.

— Вотъ хорошо, братъ Силантій, что пришелъ. Попробуй пирожка матушкинаго!.. О. Кириллъ ходилъ по кельѣ и любовался, какъ Силантій Кузьмичъ пробовалъ пирогъ.

— Небось, на меня все Тимоѳею о. игуменъ жалуется... Службу не справляю, долго въ монастырѣ не былъ...

Маленькій монашекъ съ аппетитомъ кушалъ пирогъ и ничего не отвѣтилъ, только веселые, лукавые глазки смѣялись.

— А какъ я не справляю?—раздумчиво говорилъ о. Кириллъ, ходя по комнатѣ.—Вездѣ храмъ Божій, вездѣ твореніе рукъ Его. Придешь въ лѣсъ-то весной—красота Божія, молитва. Елочки зеленыя пучечки пускаютъ, травка изъ земли лѣзетъ, цвѣточекъ солнышка у Бога молитъ, птенчики рты раскрыли, взываютъ: накорми, Господи! Я и служу и вечерню и утреню и пою Господу пѣснь мою: «Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истинный»...

И была на лицѣ его дрожащая, неувѣренная улыбка, глаза были печальные и блаженные. А маленькій монашекъ сидѣлъ на кровати, и лицо его отражало все то, что было на лицѣ о. Кирилла, — онъ поднималъ и опускалъ брови, открывалъ и закрывалъ ротъ, словно повторялъ слова о. Кирилла, и лицо его сдѣлалось такое же печальное и блаженное. Онъ все кивалъ головой и, когда кончилъ о. Кириллъ, торопливо выговорилъ:

— Вѣстимо дѣло... Что евангелистъ Матвѣй въ 6-й главѣ говоритъ? И ужъ чего лучше молитва «Царю Небесный»?.. На колоколахъ разучиваю... оживился онъ. — Хочу, о. Кириллъ, отцу игумену поклониться, чтобы благословилъ утромъ играть, какъ солнышко всходить станетъ.. Ночь, значитъ, кончилась, день идетъ,—и братіи и право-

№ 14592

славнымъ радостно будетъ слушать. Только вотъ «Иже вездѣ сый» не выходитъ.

И онъ сталъ тихо напѣвать, и пальцы его двигались, онъ поворотилъ голову и, казалось, слушалъ, какъ выходитъ на колоколахъ «Иже вездѣ сый...»

Пришелъ отецъ и, должно быть, любилъ онъ тщедушнаго монашка, — широкой улыбкой засвѣтилось лицо его, и сталъ онъ хвалить, какъ хорошо звонятъ колокола «Свѣте тихій», и стали обсуждать вмѣстѣ, выйдетъ ли «Иже вездѣ сый». А о. Кириллъ сидѣлъ одинокій, задумчивый, наклонивши голову; темные волосы густыми прядями закрыли лицо, и, должно быть, мысли его опять были далеко отъ всего, что было кругомъ.

— Прощайте, братецъ!

— Прощай, Тимоѳей!

Благословилъ о. Кириллъ меня и отца, и мы разстались. И, вѣроятно, о. Кириллъ не замѣтилъ, какъ отецъ скинулъ свои сапоги и надѣлъ его дыравые, и какъ онъ взялъ въ охапку привезенное бѣлье и совалъ его въ коридорѣ Силантію Кузьмичу и шепотомъ просилъ его поберечь бѣлье и посмотрѣть за о. Кирилломъ, чтобы не обижали его послушники.

Спустился беззвѣздный, безлунный вечеръ на землю. Лѣсъ стоялъ густой, черный и недвижимый, и, когда мы въѣзжали въ непроглядную тьму его, тамъ, высоко надъ землей, гдѣ догоралъ солнечный закатъ, медленно и грустно запѣли колокола:

— «Кто тя мо-жетъ из-бѣ-жа-ти, смер-тный часъ»!..

Тоненькіе мѣдные голоса грустно и жалобно одинъ за другимъ поднимались къ небу, все выше и выше, и снова спустились на землю, и строго и тяжко упалъ въ безмолвный лѣсъ густой мѣдный «смертный часъ».

И стало тихо и печально въ лѣсу, изрѣдка вздыхали сонныя сосны, птичка крикнула вдали усталымъ голосомъ.

Дозв. цензъ. Спб. 19 марта 1904 г. Тип. Монтвида. Конная 3—5.

Поступили въ продажу:

№ 1. **Н. Гаринъ.** На практикѣ, ц. 5 к.

№ 2. **С. Елпатьевскій** Служащій, ц. 10 к.

№ 3. **С. Елпатьевскій.** Апельсинщикъ, ц. 3 к.

№ 4. **Его же.** О. Кириллъ, ц. 5 к.

Готовятся къ печати разсказы и статьи:

С. Елпатьевскаго, Н. Гарина, Ив. Наживина, Брусянина, Вл. Беренштама, Гл. Успенскаго, А. Яблоновскаго, Д. Мамина-Сибиряка, С. Князькова, В. Строева, В. Измайлова и др.

Книготорговцамъ — обычная уступка. При выписываніи наличными деньгами на 25 р. (Евр. Рос.) по желѣзн. дор. пересылка безплатная.

Лица выписывающія на 2 руб. (деньги просятъ присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Складъ изданій: Спб., уг. Суворовскаго пр. и 3 Рождественской ул., книжный складъ „Школьное дѣло".

Дозв. ценз. Спб. 24 апрѣля 1904 г. Тип. Монтвида. Конная, 3—5.